

Узнав в лавке сухих товаров, что папоротниковый крахмал стоит дорого, Кан Хэ окончательно отказался от мысли самому зарабатывать охотой.

Неподалёку от места, где он однажды едва не сорвался с обрыва, росло много папоротника. Осенью корни должны были быть особенно толстыми и богатыми крахмалом.

Работа тяжёлая.

Но если можно заработать — не страшно.

Фань Цзин рубил дрова неподалёку. Услышав, как Кан Хэ с глухим стуком копает землю, подошёл посмотреть.

Кан Хэ срубил верхушки папоротника и выкапывал корни толщиной с палец.

— Что делаешь?

— Копаю корни на крахмал.

Фань Цзин подумал: ради денег этот человек готов использовать любое, даже самое неприметное богатство гор.

— Здесь ещё кудзу растёт.

Кан Хэ тут же поднял голову:

— Где?

Фань Цзин снова замолчал.

Кан Хэ быстро сообразил:

если ему предлагают деньги и даже не требуют помогать, а он всё равно молчит, значит, специально дразнит.

Кан Хэ опёрся подбородком на черенок мотыги и нарочно сладким голосом протянул:

— Хороший старший бра-а-ат, ну скажи мне~

Фань Цзин дёрнулся, покосился на него и отвернулся.

Кан Хэ вытянул шею следом:

— Хороший братец, специально меня мучаешь~

— В низине перед скалой.

Ответ прозвучал раздражённо и немного неловко.

Кан Хэ рассмеялся.

За утро он набрал целую корзину папоротниковых корней.

После обеда Фань Цзин отвёл его в низину, и они ещё полдня копали кудзу.

Тяжёлая работа была только началом.

Корни годами лежали в земле, поэтому их сначала нужно очень тщательно отмыть.

Потом растолочь.

Залить водой.

Отфильтровать.

Дать воде отстояться.

Осевший на дно белый крахмал снова промывать и фильтровать несколько раз, пока он не станет совершенно чистым.

Высушенный осадок превращался в ломкие белые пластины. Стоило их сжать — рассыпались в тонкий порошок.

Такой крахмал можно было заварить кипятком в густую кашу.

Можно обваливать в нём мясо перед жаркой — оно сохраняло сок и не пригорало.

Можно было делать упругую крахмальную лапшу.

На рассвете следующего дня Кан Хэ навьючил корни и повёз к ручью.

До полудня отмывал их от земли.

Вернувшись, взял большой деревянный пест и почти весь день толк корни в кашу.

К ночи, когда наконец разлил отфильтрованную жидкость по тазам и оставил оседать, поясницу невозможно было разогнуть.

Даже при его силе руки ныли, спина болела.

На деревянную кровать он упал и сразу уснул.

Утром снова слил воду, промыл осадок и поставил отстаиваться.

Так повторил четыре-пять раз.

Только тогда крахмал на дне стал белым, а после каждой новой промывки — ещё чище.

Ночью Кан Хэ слил воду, выложил крахмал на чистую пеньковую ткань в плетёном подносе и поставил сушиться над очагом.

Фань Цзин сидел рядом у огня.

Смотрел, как Кан Хэ терпеливо возится с крахмалом.

И думал:

характер у него действительно хороший.

С таким терпением человек где угодно сумеет устроить жизнь.

Они уже провели в горах шесть-семь дней.

Раньше к этому времени Фань Цзин обычно спускался домой.

Но припасы ещё оставались: Кан Хэ каждый раз покупал в городе муку, мясо и овощи.

Можно было задержаться ещё на несколько дней.

Фань Цзин видел, что с каждым днём холодает.

Возвращаться домой просто для отдыха не хотелось. Как выпадет настоящий снег, он всё равно перестанет ходить в горы.

До этого лучше использовать каждый возможный день.

Кан Хэ повернулся к нему:

— Когда крахмал высохнет, мне снова надо в город.

— Ты пойдёшь? В этот раз ведь и живую добычу поймал.

Фань Цзин немного подумал.

— Можно сходить.

Раненых животных долго держать в горах неудобно: нужно кормить, а если погибнут — цена сразу упадёт.

Кан Хэ почти до полуночи сушил крахмал на слабом огне.

Утром он действительно стал сухим и рассыпчатым.

Они собрали товар и вместе отправились в уездный город.

Сначала Кан Хэ зашёл ещё в две лавки сухих товаров и спросил цену.

Предложения отличались.

Неизвестно, потому ли, что лицо у Кан Хэ было незнакомое, но обе лавки давали меньше, чем семья Гэ в Кошачьем переулке.

Кан Хэ и без того собирался продавать туда, но изготовить даже такую небольшую партию было настолько тяжело, что хотелось убедиться: его не обманывают.

В лавке семьи Гэ как раз было мало покупателей.

Хозяин увидел Кан Хэ и сразу узнал.

Кан Хэ похвалил его память.

Тот рассмеялся:

— Такой красивый молодой человек запоминается легко.

Кан Хэ выложил на прилавок отдельно упакованные папоротниковый крахмал и кудзу.

— В прошлый раз покупал у вас приправы, а вы по доброте подсказали цену папоротникового крахмала. Вот я и попробовал приготовить немного. Посмотрите, годится ли.

После сушки крахмал лежал небольшими пластинами. Чтобы он хорошо просох, Кан Хэ ломал их, проверял чистоту, а затем перетирал в кусочки примерно с ноготь.

Две упаковки выглядели очень чистыми.

Но хозяин всё равно проверял тщательно.

Перебрал весь товар.

Раздавил несколько кусочков в порошок.

Понюхал.

Развёл водой и попробовал.

Только после этого кивнул.

— Товар хороший. Дать ту цену, о которой говорил в прошлый раз?

Кан Хэ ответил:

— Полностью полагаюсь на вас. У вашей лавки столько постоянных покупателей — значит, торгуете честно. Монетой больше или меньше — мне всё равно спокойно продавать вам.

Хозяину такие слова понравились.

Он быстро взвесил товар.

Крахмала кудзу — четыре цзиня и два ляна.

Папоротникового — три цзиня и четыре ляна.

Кудзу раньше оценивали по двадцать пять медяков за цзинь — сто пять.

Папоротниковый по сорок пять — сто пятьдесят три.

Всего двести пятьдесят восемь медяков.

Хозяин отсчитал две сотни, ещё пятьдесят и восемь отдельных монет.

— Молодой брат, человек ты приятный. Если ещё будет такой товар — неси ко мне.

Он принимал крахмал и у других.

Чаще всего крестьяне случайно находили корни в горах или на поле, делали немного порошка и, сами не решаясь съесть дорогую вещь, несли менять на деньги, рис или муку.

Но некоторые старики приходили и спорили за каждую монету:

«У Чжанов цена выше».

«Ваша гирия неправильная».

«Дома товар весил больше».

А крахмал при этом часто был грязным: с мусором, соринками, даже с копотью с кухонной крыши.

Покупали такой продукт семьи, у которых жизнь получше.

У них и требования выше.

Увидят грязь один раз — сами больше не придут и ещё всем расскажут, что в лавке Гэ товар плохой.

Если хозяин отказывался принимать плохой крахмал, некоторые ещё стояли у дверей и ругались.

Он понимал, что бедным тяжело и каждая монета важна.

Но сам тоже не был большим богачом.

Кто любит бессмысленные ссоры?

Поэтому с человеком доброжелательным и разумным хозяин тоже охотно поддерживал отношения.

Кан Хэ пересчитал деньги и пообещал приходить ещё.

Фань Цзин всё это время молча ждал у двери.

Смотрел, как Кан Хэ шутит с хозяином.

Они виделись всего второй раз, а разговаривали так, будто старые друзья, случайно встретившиеся после долгой разлуки.

Фань Цзин не понимал: с родственниками ещё ладно, но откуда у Кан Хэ столько добрых и приятных слов для почти незнакомого человека?

Раздражения он не испытывал.

Просто искренне не понимал, откуда у Кан Хэ столько речи.

Выйдя из лавки, они отправились к лавке горной дичи господина Ли.

Кан Хэ убрал медяки за пазуху.

Тяжёлые.

С серебром и цзяоцзы было бы удобнее, но сумма ещё слишком маленькая: серебро неудобно отвешивать, а бумажных денег такого малого номинала нет.

И всё-таки тяжёлый кошель приятно оттягивал одежду и давал ощущение надёжности.

Они нашли задний вход лавки.

Товар принимал тот же работник, что в прошлый раз.

Близился полдень, и внутри вовсю кипела работа.

Снаружи слышались быстрые удары ножа по доске, лязг лопатки о железный вок, крики распорядителя, торопившего кухню.

Запах горячей еды шёл наружу волнами.

Но работник, державший фазана Фань Цзина, почему-то не спешил ни за весами, ни за деньгами.

Крутил птицу в руках.

Кан Хэ сразу понял: человек ищет к чему придраться.

— Голову повесила. А вдруг больная?

Фань Цзин нахмурился.

— Дикая птица откуда возьмёт мор?

— Почему не может? Дикая птица тоже ест. Люди питаются зерном и всё равно болеют. Чем она хуже?

Фань Цзин не первый раз продавал добычу.

Раненое животное неизбежно выглядит хуже.

Любой, кто занимается таким товаром, это знает.

Работник специально придирался, понимая: птица не выдержит долгой беготни по городу, а мёртвая сразу подешевеет.

Фань Цзин уже собирался спросить прямо, покупает он или нет.

Кан Хэ остановил.

— Братец, посмотрите на глаза. Вид хоть и вялый, но взгляд чистый. У больной птицы они мутные. Просто лапа ранена на охоте, поэтому и сидит тихо.

И незаметно сунул работнику пять медяков.

Понизив голос, добавил:

— Вы о нас не первый раз заботитесь. Давно следовало угостить вас чашкой чая. Только мы живём в горах и вечно торопимся. Не обижайтесь.

Получив монеты, работник сразу смягчился.

— В последнее время на рынке действительно были больные куры. Хозяин с управляющим уши прожужжали: смотреть внимательнее. Я тоже не могу халтурить.

— Цзин-гэ часто приносит нам дичь, лицо знакомое. Но говорит мало — я до сих пор даже имени толком не знал.

Кан Хэ улыбнулся:

— Не обижайтесь. Горные люди не умеют разговаривать. Но мы давно с вами ведём дела и в душе очень вас уважаем.

Работник закивал.

Только теперь принёс весы и занялся добычей.

Фазан и лиса вместе вышли на двести восемьдесят медяков.

Лисья шкура сама по себе стоила денег, но была повреждена раной, поэтому цену пришлось немного снизить.

Кан Хэ в таких товарах не разбирался.

Посмотрел на Фань Цзина.

Тот кивнул.

Значит, цену больше не занижают.

Кан Хэ согласился и после получения денег ещё несколько раз поблагодарил работника.

Тот как раз начал по-настоящему торопиться и почти бегом вернулся на кухню.

Когда вышли из переулочка, Фань Цзин внезапно сказал:

— Зачем дал ему деньги? Не стал бы брать он — позвали бы другого.

Кан Хэ терпеливо объяснил:

— Если постоянно имеешь дело с человеком и совсем не даёшь ему никакой выгоды, почему он должен каждый раз относиться к тебе по-доброму?

— Сегодня мы позовём другого — этот обидится. А работает здесь именно он, он знает людей и правила.

— Если потом скажет остальным, что с нами плохо иметь дело, они ведь твоего характера не знают. Могут поверить.

— Охотников, которые носят сюда дичь, много. Товар у всех примерно один. Найти к чему придраться к нашему — легко.

— Если мы уйдём, лавка всё равно будет работать. Потеряем удобного покупателя скорее мы.

Кан Хэ продолжил:

— Эти пять монет ещё и проверка.

— Если человеку достаточно небольшой благодарности и он дальше ведёт дела нормально — ничего страшного.

— Если станет жадным и начнёт требовать всё больше, значит, мы заранее узнали его характер. Тогда просто перестанем иметь с ним дело.

Фань Цзин молча выслушал.

Он не любил много говорить с людьми и вообще редко поддерживал такие отношения.

Домашние тоже привыкли к его характеру и почти никогда ничего подробно не объясняли, чтобы не раздражать.

Через некоторое время Фань Цзин достал пять медяков и протянул Кан Хэ.

Так он показывал, что доводы принял.

Но Кан Хэ почему-то рассердился.

— Обязательно так чётко со мной считать?

И сам ушёл вперёд.

Фань Цзин нахмурился, совершенно не понимая, почему тот опять недоволен.

<http://bllate.org/book/24181/2841321>